

Владимир ШУЛДЯКОВ

ГИБЕЛЬ СИБИРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

Судьба азиатского казачества в гражданскую войну трагична. Уральцы и оренбуржцы оказались в самом пекле. Через их станицы, пожирая все на своем пути, неоднократно перекатывался фронт. На собственной шкуре ощутили они политику насильственного расказачивания. Семиреки пожали плоды сословной вражды с крестьянами и обильно полили своей и вражьей кровью жирные семиреченские черноземы и пепелища своих станиц. Енисейцы и иркутцы оказались втянутыми в изнурительную борьбу с красными партизанами. Из этой же горькой чаши испили забайкальцы, амурцы, уссурийцы, но на их долю выпали еще японская оккупация и наиболее уродливые проявления «сибирской атамановщины». И всюду, во всех войсках, раскол на «отцов» и «детей», «стариков» и «фронтвиков», «белых» и «красных». И в каждой станице десятки, сотни сломанных человеческих судеб...

Не минула злая доля и сибирцев...

Все даты по новому стилю

*Кипят, бушуют страсти
И злобой жгут сердца,
А дьяволовой власти
Не видно и конца.*

*Все лучшее забыто;
И скорбью полна,
Вся кровию залита
Родимая страна.*

*Осмеяны святыни.
В руинах — алтари,
Селения — пустыни,
И веси — пустыри!*

*Все пламенем объято,
И сеча без конца...
И брат восстал на брата,
И дети на отца!*

*Безумные желанья,
Знать, погубили нас,
И Божье наказание
Постигло всех сейчас!*

Ф. ЧЕРНОВ,
урядник 3-го Сибирского
казачьего полка.
Из стих. «Молитва» (1919).

В марте-апреле¹ 1918 г. в Омске прошел 3-й Большой круг Сибирского войска, признавший советскую власть, Брестский мир, декрет о земле и избравший новый, казачье-разночинский посоставу, Войсковой Совказдеп.

Казалось, большевики приобрели в казачестве, вернее, «трудовых казаках», достаточно прочную опору. Но аграрный вопрос на бумаге всегда решался лучше, чем на практике. С началом полевых работ участились земельные конфликты. Претензии разночинцев на станичные юртовые земли затрагивали владельческое право казачьей общины. К тому же в мае правительство В.И. Ленина ввело продовольственную диктатуру, усилились гонения на свободную торговлю. Пригородные станицы, наиболее зажиточные в Сибирском войске, познакомились с конфискациями, контрибуциями и прочим. Казаки стали отворачиваться от Советской власти. Само движение «трудовое казачество» раскололось. Многие фронтвики, окунувшись во внутрестаничные проблемы и конфликты, изменили свои политические взгляды. Но большинство просто

ушло от политики в семью, в хозяйство, которое надо было поднимать после долгого отсутствия, а нередко и в пьяный разгул.

Когда в мае 1918 г. начался мятеж чехословацкого корпуса, ряд станиц Сибирского войска откликнулся на него восстаниями, которые сопровождались кровавыми расправами над посягнувшими на казачьи надельные различиями. Казачьи добровольные станичные дружины свергали Советскую власть в Петропавловске, Усть-Каменогорске, Кокчетаве и Павлодаре, принимали участие во втором марьяновском бое, решившим судьбу красного Омска, в ликвидации крупного краснойгвардейского отряда Сухова на Алтае, гонялись за мелкими группами большевиков.

В июне конференция представителей станиц Сибирского войска постановила восстановить три полка, выставлявшихся войском в мирное время, для чего объявила мобилизацию молодых казаков срочной службы нарядов 1915 - 1918 гг. Молодежь в основной своей массе не хотела снова браться за оружие, отрываться от дома. Были отмечены случаи уклонения от службы, ухода со сборных пунктов, пререкаательства с офицерами, даже попытки создания в частях комитетов, как в 1917 г. Но 4-й Чрезвычайный Большой войсковой круг, прошедший в Омске в конце июня - начале июля, решил с подобными проявлениям расправляться круто: нарушителей исключать из казачьего сословия, отбирать у них земельный надел и изгонять из станиц. Войсковой атаман полковник П. П. Иванов-Ринов и командный состав смогли восстановить дисциплину в молодых казачьих полках, правда, для этого пришлось распустить по домам казаков наряда 1915 года, более двух лет пробывших на фронте и в большей степени зараженных революционной «комитетчиной».

Поражения на фронте поставили Омское правительство перед необходимостью приступить к широким мобилизациям. Хотя в самом начале Июня 1919 г. Войсковое правительство призвало наряды 1915-1914 гг., и свело их во 2-ю Сиб. каз. дивизию, ресурсы Сибирского войска не были еще исчерпаны. Однако более массовая мобилизация в белую армию бывших фронтовиков, да ещё во время полевых работ, могла привести к негативным последствиям. Казачество надо было как-то расшевелить.

1 июля войсковой атаман П. П. Иванов-Ринов отправился в поездку по станицам. В своих речах он горячо призывал казаков встать от мала до велика на защиту родного войска, поруганной большевиками православной веры, государственности и русского национального дела. В распоряжении атамана имелся прекрасный агитационный материал. В частности, еще в мае месяце войсковая газета «Иртыш» напечатала циркулярное письмо Оргбюро ЦК РКП (б) от 29 января 1919 г., положившее начало большевистской политике массового террора по отношению к казачеству. Этот документ требовал поголовного истребления «верхов казачества», «богатых казаков», конфискации у казачьего населения продовольствия, уравнивания казаков и разночинцев во всех отношениях, организации массового переселения крестьянской бедноты на казачьи земли и т. п. В «Иртыше» также был описан целый ряд фактов проведения политики насильственного расказачивания на территории соседнего Оренбургского войска. Хороший оратор, Иванов-Ринов сумел подогреть настроения. К тому же свои речи он подкреплял раздачей мануфактуры, сельхозмашин и других привезенных с Дальнего Востока дефицитных товаров. Вернувшись в Омск, Иванов-Ринов имел на руках, как писал в своем дневнике барон А. Будберг, «навинченные болтовней, водкой и подарочным настроением приговоры станичных сходов о поголовном выходе на службу всех сибирских казаков». 28 июля он отдал приказ о мобилизации казаков нарядов 1913 - 1900 гг., т.е. вплоть до сорокалетних включительно. Учитывая, что призыв будет проходить в самую страду, когда «день год кормит», правительство адмирала А. В. Колчака выделило семьям мобилизованных казаков на наем рабочей силы 60 миллионов рублей.

7 - 13 августа в Омске проходил 5-й Чрезвычайный Большой круг Сибирского войска, решивший поставить под ружье и отправить на фронт всех казаков от 18 до 45 лет, а из оставшихся малолеток и стариков сформировать сотни и взводы станичной самообороны. Круг разработал комплекс мер по концентрации сил и средств войска на борьбу с наступающей красной армией и крестьянскими восстаниями в белом тылу.

На общем фоне военных неудач и внутривойсковых раздоров 5-й круг показался многим

подъемом здоровой и спасительной силы. Мобилизованные казаки стали стекаться в Омск со всех сторон, придавая ему вид сборного лагеря. У верховного правителя, генералитета, союзных представителей, имущих классов возрождалась вера в победу. Многие, очень многие были убеждены в помощи казачества. Иванова-Ринова носили на руках. Награды казачьим офицерам раздавались щедро и авансом. Колчак приказал всячески содействовать снаряжению казаков, требовались крупные денежные инъекции. Миллионы «колчаковок» потекли широкой бумажной рекой. Казачество вооружалось.

Впрочем, лица, критически настроенные и хорошо знавшие казачество, считали подъем начала августа дутым, очередным «казачьим бумом». Так, военный министр Омского правительства генерал А. Будберг записал в своем дневнике, что «угар станичных постановлений, навеянных риновскими ситцами, подарками и пособиями, рассеялся, как только пришлось выходить на службу; но зато вылезли во всей будничной остроте жалость потерять хороший урожай, боязнь за семьи, страх за жизнь и пр. и пр.» Будберг считал, что «не таковы сибирские казаки, чтобы поголовно встать на борьбу с большевиками», и уже с конца июля предполагал, что, получив снабжение и пособия, сибирские казаки расползутся по своим станицам, как только тем станет угрожать опасность, точно так же, как это сделали уже казаки оренбургские.

Следует отметить, что из-за быстроты антисоветского переворота в Западной Сибири станицы Сибирского войска не познали ужасов настоящей гражданской войны, да и Советская власть до многих казачьих поселков просто не дошла. Поэтому в них недоверчиво относились к рассказам о продразверстке, красном терроре и т. п. Войсковой старшина Оренбургского войска Г. В. Енборисов вспоминал о своей поездке по «Горькой линии» в начале августа 1919 г.: «Когда я ехал по станицам сибирских казаков, я везде старался выступать на сходах, уговаривая не сдаваться большевикам, ссылаясь на чинимые ими беззакония и расстрелы жителей, вроде Ивана Каширина¹ над куропаткинскими казаками, коих он пристрелил 11 человек своими руками. Не могу похвалиться тем, что си-

¹ Каширин И. Д. — бывший подъесаул, один из создателей красноказачьих отрядов в Оренбуржье.

биряки везде соглашались со мной, говоря: «Пускай, кто как хочет, а мы посмотрим там»...

Повинуясь жестокой воинской дисциплине, казаки тянулись на призывные пункты. Но внутренней убежденности драться против большевиков, не щадя живота своего, у многих не было. Встречались среди сибирских казаков и такие, кто резко негативно относился к белой власти. Дело в том, что хотя «трудовое казачество» как политическое движение в середине 1918 г. было уничтожено, как слой казаков с определенными взглядами, оно, конечно, сохранялось.

К осени 1919 г. ясно обозначился кризис белого движения в Сибири. На фронте поражения. В тылу, в сельских районах, особенно на Алтае и в Восточной Сибири, полыхала партизанская война, в городах действовало большевистское и эсеровское подполье. Союзники резко сократили военные поставки. В этих условиях усилились разногласия между различными группировками правящей коалиции, каждая из которых предлагала свой рецепт спасения режима. Был он и у органов казачьего самоуправления. 19 августа в Омске начала работать Чрезвычайная конференция представителей 9 казачьих войск. Делегация ее 28 августа явилась к верховному правителю и категорически потребовала от него осуществить разработанный ею проект переустройства власти. Современники отмечали три основные его черты: реакционность, казачий сепаратизм и неопределенность конкретных форм. Казаки высказались за установление полной диктатуры. Сам Колчак оценил это так: «Они хотят сделать меня чем-то вроде императора...» Конференция потребовала предоставления казачьим войскам полной автономии, вплоть до посылки казачьих частей на фронт только под командованием выборных атаманов.

Фактический ультиматум конференции вызвал острое положение. И только вмешательство других общественных организаций, групп Государственного экономического совещания привело к смягчению позиции казаков. В результате все требования были сведены к необходимости сокращения министерств, упрощения и ускорения правительственной работы и созыва совещательного собрания. Правда, Омскому правительству и Ставке пришлось согласиться с созданием из мобилизованных казаков Отдельного Сибирского казачьего корпуса с войсковым атаманом П. П. Ивановым-

Риновым во главе. В состав этого корпуса вошли 3-я, 4-я, 5-я Сиб. каз. дивизии, Отдельная Сиб. каз. бригада, Сиб. каз. конноартиллерийский дивизион (12 орудий) и Атаманская сотня.

После ожесточенных боев в 10-х числах августа части 5-й красной армии форсировали р. Тобол и устремились к г. Петропавловску. К началу сентября они захватили на «Горькой линии» 22 станции Сибирского войска. Одновременно алтайские крестьяне-повстанцы напали на Бийскую линию и взяли в ней 7 станиц; казаки самоохранных сотен частью сдались, частью отступили по направлению на г. Усть-Каменогорск.

Но главную опасность для Сибирского войска представляла, конечно, регулярная красная армия. Белое командование, собравшее и подтянувшее к линии реки Ишим последние серьезные резервы, хорошо понимало, что другого шанса остановить большевиков и добиться перелома в свою пользу просто может уже не быть. Ставка, готовя контрудар силами всех трех белых армий, планировала использовать Сибирский казачий корпус для нанесения внезапного флангового удара по 5-й красной армии и глубокого рейда по тылам противника по направлению на г. Курган. Однако большевики наступали слишком стремительно. За 10 дней они прошли 180 км и оказались на дальних подступах к Петропавловску, всего в 70 км от него. Поэтому 3-я армия генерала К. В. Сахарова 1 сентября начала контрнаступление, не дожидаясь подхода и развертывания всех резервов, в том числе и Отдельного Сиб. каз. корпуса. Разыгрались жестокие встречные бои. Обходным движением Сахарову 3 сентября почти удалось окружить 26-ю и 27-ю советские дивизии, которые бросились прорываться на запад. Позднее генерал вспоминал: «...надо отдать справедливость, что эти 18 русских красных полков проявили в сентябрьские дни 1919 г. очень много напряжения, мужества и подвигов, которые в императорской армии награждались Георгиевскими знаменами».

9 сентября у поселка Островского Пресновской станицы корпус Иванова-Ринова вступил в соприкосновение с двумя бригадами 5-й и 35-й красной дивизий. В это время к штабу корпуса на автомобилях подъехали адмирал А. В. Колчак, английский генерал А. Нокс, походный атаман всех казачьих войск генерал-лейтенант А. И. Дутов, несколько

министров, сопровождаемые огромной свитой. По-видимому, Иванов-Ринов решил блеснуть перед верховным правителем казачьей удачью и мощью. Он отдал приказ атаковать противника в лоб в конном строю. Как на ученьях развернулись казаки в лаву и бесстрашно и лихо, с пиками наперевес, с гиканьем и свистом пошли на вражеские орудия и пулеметы. Первой дорвалась до большевиков Атаманская сотня подьесаула С. Огаркова. В атаке приняли участие и штабы, в том числе и корпусной во главе с самим Ивановым-Риновым. Так, штаб 3-й Сиб. каз. дивизии во главе с генерал-майором А. П. Беловым атаковал четыре стрелявших до последнего момента орудия и изрубил их прислугу. Находясь под впечатлением «редкого по красоте боя», Колчак тут же наградил орденом Св. Георгия 4-й степени Л. П. Иванова-Ринова, С. Огаркова, А. И. Белова и начдива 4-й дивизии полковника А. В. Катанаева. Узнав об успешном боевом крещении корпуса, общее присутствие Войскового правительства Сибирского войска постановило отслужить молебен в Войсковом Николаевском соборе. Молебны были отслужены и во многих станичных церквях.

После первой победы Сибирского казачьего корпуса все красные тылы оказались перед ним как на ладони. Но вместо того, чтобы стремительно вынестись к Кургану и отрезать противника от переправ на Тоболе, он проявил большую пассивность. Сам адмирал Колчак, ввиду больших потерь корпуса, в нарушение плана Ставки, приказал ему остановиться на трехдневный отдых. Эти три дня, потраченные на приведение казачьих частей в порядок, привели к срыву широко задуманного плана. Красные войска смогли оторваться и несколько оправиться. Лихого и все дезорганизующего рейда по глубоким тылам противника не получилось. Теперь казачий корпус (вместе с другими частями 3-й армии медленно продвигался на запад, наступая красным на пятки, а те весьма чувствительно огрызались. Пошли сильные дожди, дороги размыло. Движение конницы было затруднено. К тому же крестьяне прятали фураж. В конце концов белые остановились. Фронт стабилизировался по Тоболу. Наступила пауза в боевых действиях.

Вину за провал рейда на Курган попытались взвалить на Иванова-Ринова. Его обвинили в

том, что он упустил инициативу. 19 сентября главнокомандующий генерал М. К. Дитерихс отстранил атамана от командования корпусом. Казачьи круги расценили этот шаг как покушение на свою автономию. 23 сентября Колчак признался своему министру внутренних дел В. Н. Пепеляеву, что не надеется уладить инцидент с атаманом. В конце концов верховному правителю и Ставке пришлось уступить. Иванов-Ринов с апломбом вернулся на фронт к своему корпусу.

По-видимому, именно после провала рейда на Курган к Иванову-Ринову прочно прикрепился ярлык «полицейского ярыжки». Вспоминали, что свою карьеру он сделал, находясь на военно-административных постах в колониальной администрации Туркестана. Но у Иванова-Ринова был и стаж строевой службы. Мировую войну он закончил командиром Отдельный Сиб. каз. бригады на Кавказском фронте. Другое дело, что у него не было опыта руководства большими массами кавалерии в маневренной войне. В сложной обстановке сентября 1919 года атаман растерялся, запутался в противоречивых приказах, не проявил настойчивости и дерзости в достижении цели. И даже оконфузившись, не нашел в себе сил отказаться от личных амбиций, беспрекословно подчиниться приказу главкома.

Однако следует подчеркнуть, что и преждевременный, без сбора всех частей ввод Сиб. каз. корпуса в бой, и первоначальное использование его не по назначению, а для парирования красного удара, и заминка, вызванная боем под пос. Островским, имели одной из своих причин действия красной армии. Рейд казачьего корпуса был изюминкой белого плана. Но ведь в контрнаступлении были задействованы несоизмеримо большие силы: три колчаковские армии! Тем не менее, белые не добились перелома. Им удалось лишь оттеснить большевиков за Тобол и на месяц отсрочить начало трагедии. Следовательно, дело не столько в Иванове-Ринове, сколько в военном превосходстве красных.

Несомненная вина П. П. Иванова-Ринова в том, что, выставляя казачество и себя в спасители белого дела, он почти всем смог внушить веру в необычайную силу своего корпуса, от которого стали ждать чуда. Но чудес не бывает. Еще опыт мировой войны показал, что для превращения

призванных запасных казаков в действительно спаянные, боеспособные части требуется время, которого в 1919 г. не было. А в условиях экономического хаоса, расшатанности нравственных ограничителей, политической неустойчивости смутного времени, задача необыкновенно усложнялась. Достаточно сказать, что некоторые казачьи части, отправляясь на фронт, погрузились в вагоны вместе... с женами и обильными запасами водки, что по ходу следования на станциях казаки грабили военные продовольственные магазины. Войска эпохи гражданской войны, фактически милиционные по своему составу и устройству, вообще мало были пригодны для упорной борьбы. Во время наступления они еще держались, но при поражениях начинали быстро разлагаться.

Отступив за Tobol, красные очистили все захваченные ими ранее станции «Горькой линии» Сибирского войска. Школы почти во всех из них оказались разграбленными. Были казачьи хозяйства, пострадавшие от военных действий, редко от грабежей.

Вообще же станции оказались целыми. А ведь белая пропаганда уверяла казаков, что красные выжигают казачьи поселки, вырезают их население. Вскрывшийся обман и стал одной из причин волнений в Сиб. каз. корпусе. Дело в том, что летом 1919 г., наученные Вешенским и другими восстаниями, большевики отказались от проведения массового террора по отношению к казачеству. К тому же путем самых свирепых мер они смогли добиться относительной дисциплины в красной армии, расстрелами свели количество незаконных реквизиций и грабежей к минимуму. Это достижение противника признавалось и рядом белоэмигрантских авторов.

Совсем иначе вели себя крестьяне-повстанцы на Бийской линии. Совместными усилиями чехословацких и польских легионеров с севера и казачьего отряда есаула Горбунова с юга станции Бийского уезда также были очищены. Они оказались разграбленными. Крестьяне рассматривали казачье имущество как свою добычу. Убытки только одной Чарышской станции составили почти миллион рублей. Более того, оставляя эту станцию, повстанцы перебили 110 местных казаков, ранее сдавшихся к ним в плен.

Гражданская война — жестокое время. Но этот акт террора выделяется на общем фоне событий тех лет.

В середине октября после оперативной паузы красная армия снова ринулась в наступление. Колчаковский фронт рухнул. Начался развал. В красных частях стали появляться сибирские казаки-перебежчики. 31 октября пал Петропавловск. После отступления за р. Ишим казаки стали сдаваться сотнями. 2 ноября делегация Войскового правительства умоляла Колчака не сдавать Омск. Но 14 ноября столица белой Сибири пала. Казаки начали сдаваться в плен полками, вместе с офицерами.

Сибирское войско как автономная единица с приходом красной армии фактически было уничтожено. Сибревком приказом № 1 от 2 декабря по Сибирскому казачьему войску объявил о распространении на казаков общего с остальным населением управления, о передаче войсковых и офицерских участков в государственный земельный фонд. Чуть позже станицы были распределены между уездами и переименованы в волости.

Но не все казаки сдались или разошлись по домам. Меньшая часть с Войсковым правительст-

вом во главе пошла «в отступ». В районе Новониколаевска остатки Сибирских казачьих полков, главным образом 1-го, 10-го, 11-го и отчасти 2-го были сведены в Сибирскую каз. бригаду, под командованием полковника Ф. Л. Глебова и в таком составе совершили весь Сибирский Ледяной поход. До конца 1922 г. воевали на Дальнем Востоке эти сибирские казаки. 21 или 22 октября 1922 г. около Барабаша в Приморье Сибирская казачья батарея сделала свой последний выстрел по красным. Это был последний орудийный выстрел белых на русской земле. Больше белая артиллерия никогда и нигде не стреляла. Казаки ушли в Китай. До 1940-х гг. существовали в Харбине Войсковое представительство Сиб. каз. войска и Сиб. каз. станица.

Попытка воссоздать Сибирское войско в 1921 г. во время грандиозного Западно-Сибирского восстания, когда восставшие казаки организовали «Главный штаб Объединенного казачьего войска» и 1-ю Сибкавдивизию, успеха не имела. Остатки разгромленных казаков-повстанцев прорвались в Китай, но и там были добиты частями регулярной красной армии.

Так погибло Сибирское казачье войско.

